

ЧЕТЫРЕ ПРОБЛЕМЫ ШОС В СВЕТЕ ВОПРОСА О РАСШИРЕНИИ ОРГАНИЗАЦИИ

И.Е. Денисов, И.А. Сафранчук

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

.....

Одна из основных проблем ШОС – вопрос расширения. Традиционно он рассматривается с позиций практической политики. Но по мере затягивания этого спора о расширении состава государств-членов в нём появляется все большая глубина. В дискуссии о расширении проявляется своеобразная политическая культура ШОС, а также известный на примере других организаций вопрос о «разноуровневости» при расширении состава участников. Но главное? в рамках споров о расширении начинает оформляться вопрос о будущем организации – будущем глобальном (как его в большей степени видит Россия) или будущем региональном (как его в большей степени видит Китай). ШОС, таким образом, стоит перед одним из важнейших противоречий современного мира: коллизией трендов глобализации и регионализации. Пока дебаты об этих трендах и их соотношении идут на уровне политических, экономических и социальных наук, ШОС сталкивается с необходимостью нахождения практического выбора в пользу одного из трендов либо нахождения модальности их сочетания при определении приоритетов своей работы. Статья переформулирует проблему расширения из вопроса практической политики в вопрос нахождения в дальнейшей стратегии ШОС баланса между трендами глобализации и регионализации, что позволит на практическом уровне согласовать основные интересы России и КНР в Евразии.

.....

Ключевые слова: ШОС, Россия, Китай, глобализация, регионализация.

В Декларации саммита ШОС, проходившего в 2015 г. в Уфе (Россия), говорится: «они (государства-члены – прим. авт.) с удовлетворением констатируют принятие решения о начале процедуры приема Индии и Пакистана в ШОС» [18]. Однако дискуссия о сроках реализации этого решения продолжается; временами она даже возвращается к рассуждениям о целесообразности принятия Индии и Пакистана в ШОС. Причем, споры по этому поводу выходят за рамки дебатов только в категориях практической политики, они начинают затрагивать более общие вопросы роли ШОС в настоящем и перспектив её развития в будущем. Тем самым вопрос расширения ШОС становится интересным не только с точки зрения практической политики, но и с научно-исследовательской. В ходе многолетних дискуссий о расширении выявились четыре проблемы ШОС – проблема политической культуры ШОС и применения принципа консенсуса, проблема многообразия форматов участия в ШОС и сохранения монолитности Организации, проблема трактовки принципа открытости, проблема мирополитической роли ШОС – глобальная или региональная Организация.

Нам представляется, что вопрос о расширении стал тем фокусом, в котором собраны многие неписанные правила и специфические механизмы принятия решений в ШОС, очень часто скрытые от взгляда стороннего наблюдателя. Выяснение роли этих «скрытых пружин» позволит лучше понять, почему ШОС является именно такой, действует именно таким образом, и что ее отличает от других международных организаций.

При подготовке настоящей статьи авторы использовали не только официальные документы и научные публикации, но и результаты углубленных интервью с экспертами из государств-членов ШОС, Индии и Пакистана, а также материалы конференций, в которых принимали участие в 2015-2016 гг. Эти мероприятия, как правило, проходили по правилам Chatham House, что позволяет использовать высказанные мнения, но без разглашения их авторства.

Политическая культура ШОС: как должен работать принцип консенсуса?

Ставя под сомнение целесообразность принятия Индии и Пакистана в ШОС и споря по этому поводу, прежде всего, с российскими экспертами, китайские специалисты подходят вплотную к очень тонкому вопросу: как понимать и применять принцип консенсуса в ШОС?

Консенсус в ШОС до сих пор понимался широко – как принятие решений на основе общего согласия. В Хартии ШОС записано, что «решения в органах ШОС принимаются путём согласования без проведения голосования» [19]. При этом частью «политической культуры» ШОС стал восточный подход к выражению отрицательной позиции. Ситуация неоднократно

описана в литературе по особенностям переговоров с азиатскими партнёрами, которые в случае несогласия не говорят «нет», а предпочитают «нечёткие и неопределённо положительные выражения с трудноуловимым негативным скрытым смыслом» [20, с. 86].

В ШОС жёсткого отрицания стараются избегать, также как и острых, открытых споров, которые могут потребовать его применения. Хотя Хартия ШОС предусматривает, что государство-член ШОС может изложить свою точку зрения по отдельным аспектам или конкретным вопросам принимаемых решений, однако практически никогда разногласия, даже если они есть, не выносятся в публичное поле.

Считается, что такая политическая культура помогает сохранять дух согласия. Но можно ли продвигать в повестке дня ШОС вопрос, по которому нет общего согласия? Сложилась практика, что в повестку дня ШОС может ставиться вопрос, по которому нет согласия. Как заявил по этому поводу в одном из интервью министр иностранных дел России С.В. Лавров: «да, необходим консенсус, но обсуждение должно как-то начинаться» [14]. Возникает достаточно сложная ситуация: если вопрос, по которому нет общего согласия, попадает в повестку дня ШОС, то насколько несогласная страна может его жёстко блокировать?

Пока баланс между тем, чтобы ставить вопрос в повестку дня ШОС даже без общего согласия по нему, и тем, чтобы не говорить жёсткое «нет», что стало частью политической культуры ШОС, достигается просто: вопрос, по которому нет консенсуса, может находиться в повестке дня организации очень долго. Причём принятие каких-то документов с упоминанием спорного вопроса, даже в виде деклараций о намерении его решить, в таком случае не означает практического продвижения в его решении. Другими словами, вопрос, по которому нет консенсуса, можно ставить в повестку дня, но он должен в ней оставаться неопределённо долго – до тех пор пока не возникнет общего согласия.

В истории ШОС уже есть такой опыт. Это вопрос о Банке ШОС, идею которого продвигает Китай. Этот вопрос находится в повестке дня организации с 2010 г, а последние три года присутствует в итоговых декларациях ежегодных саммитов. Впервые он попал в Декларацию саммита ШОС в Бишкеке в 2013 г. с такой формулировкой: «Главы государств отметили важность проводимой работы по изучению вопросов создания Фонда развития (Специального счёта) ШОС и Банка развития ШОС и поручили продолжить усилия в целях её скорейшего завершения» [2]. Дословно эту же формулировку повторили год спустя в Декларации саммита в Душанбе в 2014 г. [8]. Формулировка Декларации саммита в Уфе 2015 г. стала даже более определенной: «Государства-члены продолжат работу над созданием Фонда развития (Специального счёта) ШОС и Банка развития

■ Мировая политика

ШОС с целью стимулирования торговых и инвестиционных связей в регионе» [18]. Из этой формулировки может показаться, что из фазы изучения вопрос перешел в стадию реализации. Но реальное положение дел таково, что движения в направлении создания Банка ШОС нет, так как по этому вопросу нет консенсуса (Россия сомневалась в целесообразности его создания, предложив преобразовать Евразийский банк развития (ЕАБР) в Банк ШОС, однако понимания не нашла). Формально же вопрос продолжает оставаться в повестке дня Организации.

На примере вопроса о Банке ШОС можно говорить о том, что в организации сложилась практика, о которой было сказано выше: вопрос, по которому нет консенсуса, может попадать в повестку дня, но не может быть окончательно решён.

Создается впечатление, что китайская сторона понимала Уфимскую декларацию 2015 г., предусматривавшую начало процедуры принятия Индии и Пакистана, не как начало пути с точно известным результатом в виде приёма этих двух стран, а как попадание в повестку дня вопроса, по которому нет консенсуса, без чего не может быть окончательного решения.

По процедурным моментам можно проводить аналогии между вопросами по Банку ШОС и расширением, но все-таки понятно, что это очень разные вопросы. И тут возникает тонкий момент, отчасти психологический и имеющий отношение к политической культуре ШОС.

Не только большинство членов ШОС поняли Уфимскую декларацию так, что вопрос о придании Индии и Пакистану статуса членов, по сути, решён, а по времени займет не больше, чем необходимо для выполнения формальных процедур, так поняли сами Индия и Пакистан, да и все мировое сообщество, заинтересованно наблюдающее за пополнением ШОС. Если вопрос расширения ШОС повторит судьбу Банка ШОС, то для всего мира это будет выглядеть как подрыв авторитета Организации в региональных и мировых делах, того самого авторитета, которым все участники организации, в том числе и Китай, так гордятся.

В результате Китай оказывается в ситуации, когда ему нужно либо говорить жёсткое «нет» (и блокировать вопрос), либо смириться с тем, что расширение будет продвигаться вперед без его согласия. Как представляется, Китай чувствует себя некомфортно в такой ситуации. Китайским экспертам представляется несправедливым и нетоварищеским то, что дипломатической игрой на таких тонких моментах вопрос о расширении ШОС продвигается вперед.

Решится ли Китай на жёсткое «нет», чтобы остановить расширение? Вряд ли. Оставит ли Китай попытки отправить вопрос о расширении на какой-то «долгий бумажный круг»? Нет. Будет ли Китай готов это делать даже в ущерб авторитету ШОС? Возможно. Пока китайские специа-

листы дают понять, что по вопросу расширения ШОС нет консенсуса, а, значит, он не может быть окончательно решён. При этом на практическом уровне китайская дипломатия пропускает в документах организации формулировки, которые как бы продвигают вопрос о расширении вперед.

Как представляется, дискуссии о расширении ШОС подошли очень близко к вопросам политической культуры организации и интерпретации общего правила консенсуса. Разворачивание дискуссии в этом направлении может иметь большое значение для будущего ШОС.

Многообразие форматов участия в ШОС и сохранение её монолитности

ШОС имеет три формата участия в работе организации – члены, наблюдатели, партнёры по диалогу. Число наблюдателей и партнёров по диалогу в последние годы постоянно увеличивалось. Пока ни разу не расширился только состав членов. Но в последний год, по мере того, как по этому вопросу наметилось некоторое движение вперед, появилось новое направление дискуссии – о создании более узкого формата в ШОС. Это может показаться парадоксальным, но вопрос расширения состава членов тянет за собой вопрос о создании «узкого формата».

О создании «узкого формата» в ШОС всё чаще говорят китайские специалисты на различных экспертных встречах. В их интерпретации новый формат членства в Организации может быть реализован путём введения статуса «постоянных членов» ШОС, которыми автоматически станет нынешняя шестёрка государств-членов. Объясняя мотивы введения нового механизма, эксперты поясняют, что он призван гарантировать особые права государств-учредителей ШОС, сохранить неизменным «шанхайский дух», обеспечить жизнеспособность Организации. Открытым пока остается вопрос, какими особыми правами могут быть наделены основатели ШОС. На ум приходят особые права пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН. Однако в условиях консенсусного порядка принятия решений, на сохранении которого китайская сторона как раз активно настаивает, о праве вето в ШОС речи быть не может, поскольку отсутствует голосование.

Возможен вариант, когда будут созданы узкий и широкий форматы органов ШОС – Совета глав государств, Совета глав правительств (премьер-министров), Совета министров иностранных дел и т.д. Соответственно представители тех государств, которые не имеют статуса постоянного члена, на часть заседаний допущены не будут. Таким образом, некоторые решения могут быть приняты в узком составе – лишь постоянными членами. Введение такой двухступенчатой системы, как представляется, слабо согласуется с принципом равенства, и с тем, что в Организации нет различий между правами больших и малых государств, о чём китайская сторона постоянно напоминала и напоминает

[24]. К слову, и российские представители видели «шанхайский дух» в том, что в Организации «каждый равен, каждый уважаем, к каждому мнению прислушиваются, каждое мнение учитывается» [3].

Серьёзные проблемы могут возникнуть, если двухступенчатая система будет реализована в работе Секретариата – постоянно действующего исполнительного органа ШОС. В настоящее время генеральный секретарь назначается из числа граждан государств-членов на ротационной основе в порядке русского алфавита названий государств-членов сроком на три года (без права продления на следующий срок). Будет ли возможно для новых членов – в ближайшей перспективе для Индии и Пакистана – номинировать своих представителей на высший пост в бюрократии ШОС? Не являются ли разговоры о создании узкого формата шагом к тому, чтобы «ядро» имело особые права и в формировании исполнительного органа? К слову, все должностные лица Секретариата нанимаются из числа граждан государств-членов на квотной основе. Если Индия и Пакистан не получают такую квоту, это сильно снизит их заинтересованность в полномасштабном сотрудничестве в рамках ШОС, впрочем как и любой «узкий формат». Об этом откровенно говорят индийские и пакистанские эксперты, которые ожидают скорейшего повышения статуса своих стран в Организации.

Получается, что, приняв Индию и Пакистан в качестве членов, одновременно ШОС может создать формат внутри организации, в котором они не будут участвовать, что для двух стран будет выглядеть как «членство минус». Практически по всем направлениям сотрудничества такое «членство минус» чревато репутационными издержками и снижением эффективности ШОС. Скажем, конструктивное взаимодействие с новыми участниками в сфере борьбы с терроризмом вряд ли возможно без участия Индии и Пакистана в деятельности Региональной антитеррористической структуры в полномасштабном, а не в узком формате. Россия, в частности, заинтересована в скорейшем присоединении к РАТС Индии для закрепления уже накопленного двустороннего опыта по борьбе с экстремизмом [7, с.10].

Несмотря на слабую проработанность китайского предложения, экспертная дискуссия о новом формате членства получает развитие также и в других государствах-членах ШОС. Судя по обсуждению этой темы с центральноазиатскими экспертами, ими вопрос ставится таким образом, что расширение состава членов может затруднить сотрудничество (по крайней мере, по отдельным политическим вопросам). Поэтому как считают коллеги из стран Центральной Азии, имеет смысл создать внутри ШОС новый формат – группу глубокого сотрудничества, которая соберёт страны, достаточно политически близкие для доверительного обсуждения и скоординированных действий.

При этом четких критериев того, как отбирать из государств-членов участников «узкого формата», пока нет. Высказываются разные предложения. Например, вернуться к «изначальной пятёрке», то есть к формату стран, которые граничат с Китаем и у которых полностью урегулированы с ним пограничные вопросы (именно с «пятёрки» в 1996 г. начиналось Шанхайское сотрудничество). В нынешнем составе ШОС создание такой группы по названным критериям означало бы вывод на «поля» работы ШОС Узбекистана. Это вряд ли возможно, если, конечно, Узбекистан после своего председательства в ШОС сам не дистанцируется от организации. Создание «пятёрки» ШОС по названным критериям после принятия Индии и Пакистана опять же будет означать не попадание в нее Узбекистана и Индии, но при этом вопрос попадания в неё Пакистана можно считать открытым.

Представляется, что предложение о «пятёрке» глубокого сотрудничества вряд ли получит продолжение именно в таком виде – с обозначенными критериями и составом. Однако само по себе развитие дискуссии – возникновение вопроса о формировании группы глубокого сотрудничества, особенно при расширении ШОС – это важный индикатор того, что ШОС подошла к поворотному пункту в своей пятнадцатилетней истории.

Ясно, что обострение дискуссии по проблеме расширения и выход её на новый уровень связан с тем, что после Уфимского саммита организация подошла к критическому рубежу – либо находить в себе силы завершить процесс вступления Индии и Пакистана, либо вновь объяснять затягивание высшими интересами сохранения консенсуса. Между тем, в экспертной среде редко обсуждают вопрос – эффективно ли действует в ШОС институт наблюдателей, прохождение которого обязательно для кандидатов в постоянные члены. Индия и Пакистан являются наблюдателями в ШОС с 2004 года, и, видимо, нахождение в этом статусе могло быть использовано с большей пользой, прежде всего в интересах самой Организации. Вместо лишения новых членов части прав, которые имеют группа основателей, можно было бы подумать над реформой в другом направлении – шире подключать наблюдателей к реальной, а не символической работе в рамках ШОС, о чём уже давно говорят. То, что китайские эксперты начинают множить претензии к Индии именно сейчас, говорит о том, что серьёзно формат страны-наблюдателя (а уж тем более партнёра по диалогу) Китай не воспринимает. Вернее, видит его «внешним» форматом, а не «внутренним», и, таким образом, мало отличающимся от отношений ШОС с третьими странами.

Специалистам хорошо известны случаи, когда организации сталкивались по мере роста числа членов с необходимостью решать проблему поддержания динамики сотрудничества. ЕС несколько раз подходил к этому вопросу и в

■ Мировая политика

результате принял подход «разноскоростной интеграции». Проблема известна и в истории интеграции на постсоветском пространстве. В начале 2000-х годов в ЕврАзЭС перешли к «разноуровневой интеграции». В интеграционных объединениях, особенно с наличием наднациональных органов, дилемма «глубина сотрудничества или широта членства» на определённом этапе развития встает особенно остро. В других организациях она тоже возникает. ШОС вряд ли будет исключением. Но в случае с ШОС обозначенная дилемма может иметь свои особенности.

Прежде всего, обращает на себя внимание то, что разговор о «разноуровневости» возник в ШОС так рано. Шесть членов или восемь (в случае приема Индии и Пакистана) или даже девять (в случае приема еще и Ирана) – это не столь широкий состав (с учётом того, что страны-члены признают общую ценностную основу, «дух» ШОС), при котором должны возникать проблемы с поддержанием единства и достаточной активности всех членов в работе над повесткой дня организации. Поэтому пока эффективность организации должно быть возможным поддерживать на одной (и желательно достаточно высокой) «скорости» за счёт других мер.

Кроме этого, в случае с ШОС проблема при расширении может быть не с практическим сотрудничеством (нельзя исключать, хотя нельзя и гарантировать, что, действительно, приём Пакистана и особенно Индии будет способствовать сотрудничеству в некоторых областях), а с поддержанием общего политического согласия в ШОС. Не секрет, что Индия и Пакистан – это страны со своими сложившимися взглядами на региональные дела и мировую политику, у них свой стиль и своё содержание в обсуждении стратегических вопросов, которое они, даже заявив о принятии всех формальных правил ШОС и приверженности «духу» ШОС, всё равно привнесут в организацию. От членства в ШОС Индия и Пакистан не станут другим, скорее сделают организацию немного другой. Симптоматично, что в разговорах о будущем членстве Индии в ШОС, перечисляя возможные сложности, китайские эксперты всё чаще делают акцент не на двусторонних вопросах – нерешённости территориального вопроса в индийско-китайских отношениях или проблеме далай-ламы, а на иной политической культуре, присущей современной Индии. Всё устройство индийской политической жизни, по мнению китайских специалистов, несёт западные черты, индийская бюрократия также действует по-западному, что может привнести ненужную конфликтность в уже сложившийся в ШОС порядок работы.

Угроза видится не только механизму и ритуалу, но и содержательной стороне деятельности ШОС. Сейчас страны-члены во многом видят мировые проблемы одинаково. Согласие в понимании сути региональных или глобальных событий возникает не просто без споров, а

почти без обсуждений. Могут быть дискуссии и разногласия о том, как реагировать, споры о формулировках документов. Но понимание сути происходящего в мире у стран-членов ШОС в значительной степени общее. По этому показателю ШОС, может быть, самая монолитная организация в мире. Иран, который не подошёл к членству по формальным причинам, ближе к этому общему пониманию (хотя и с некоторыми перегибами), чем Индия и Пакистан. Эти страны привнесут в ШОС большой плюрализм [17], купировать который можно только ценой их отказа от своих стратегических традиций, чего, естественно, ожидать от Дели и Исламабада не приходится.

Подчеркнём, само по себе расширение внутреннего спектра мнений в ШОС не является отрицательным явлением. Но нельзя и совсем отрицать, что это будет иметь последствия для политического согласия в ШОС по региональным и глобальным проблемам. Поэтому в случае с ШОС дилемма будет – «монолитность против широты состава». ШОС очень близко подходит к этой дилемме, что опять же может иметь серьёзные последствия для её будущего.

Как трактовать принцип открытости?

Пока острый разговор по этому вопросу идёт в основном в формате «второй дорожки», причём в последнее время китайские эксперты даже ужесточили свои формулировки. Иногда можно, например, слышать, что базовые положения Хартии ШОС вообще не предусматривают расширения, а содержащийся в этом документе принцип открытости означает лишь развитие сотрудничества ШОС с третьими странами и другими международными организациями. Такое мнение, например, авторы слышали от одного из ведущих китайских специалистов по ШОС во время Одиннадцатого заседания Форума ШОС, прошедшего 28-29 апреля 2016 г. в городе Душанбе, Республика Таджикистан

Такой подход не нов, его и раньше озвучивали китайские эксперты. Так, во время одного из круглых столов в июне 2012 года об этом говорил Юй Чжэньци из Китайского фонда исследований международных проблем. По его словам, важной предпосылкой решения проблемы членства в ШОС является соблюдение принципа региональной направленности Организации, при этом содержащийся в Хартии принцип открытости при приеме в Организацию эксперт трактовал, как открытость в отношении конкретного региона – Центральной Азии [23].

По последнему пункту похожую точку зрения, при определении «пространства ШОС», высказывали некоторые российские специалисты. В 2012 г. старший научный сотрудник Центра исследования Восточной Азии и ШОС МГИМО МИД России, чрезвычайный и полномочный посол В.Я. Воробьёв дал такую характеристику пространству ШОС: «Выдающаяся особенность этого пространства состоит в том, что на него

приходится сердцевина евразийского континента («хартлэнд» в геополитической трактовке), называемая Центральной Азией. Этот район служит центром притяжения интересов и усилий. Безусловно, нужно внимательно относиться к тому, что происходит к западу, к югу и далее к востоку (в зоне Тихого океана). Но приёмы взаимодействия с акторами вне пространства ШОС неизбежно отличны от логики внутрিশосовского общения» [4].

Но обратимся к документам. В статье 13 Хартии записано, что «ШОС открыта для приёма в её члены других государств региона, которые обязуются соблюдать цели и принципы настоящей Хартии, а также положения других международных договоров и документов, принятых в рамках ШОС» [19]. Однако регион в этом документе никак не определён, и сводить его только к Центральной Азии вряд ли обосновано, тем более, сейчас, когда были определены требования к новым членам ШОС.

В 2006 г. на заседании Совета министров иностранных дел ШОС принято негласное решение о моратории на приём новых членов, мораторий позже подтверждался на встречах организации в 2006, 2007 и 2010. Негласным мораторий был, поскольку противоречил принципу открытости, закреплённому в Хартии ШОС [12, с.35]. 11 июня 2010 г. на саммите в Ташкенте принято Положение о порядке приёма новых членов, в котором содержатся чёткие требования к государству-члену ШОС, при этом отмечается, что оно должно принадлежать к евроазиатскому региону. Таким образом, вопрос о «пространстве ШОС» вроде бы решен, хотя разные представления о пределах открытости по-прежнему сохраняются.

В современной официальной российской трактовке расширение ШОС непосредственно связано с реализацией принципа открытости. Москва это последовательно подчеркивает. В сентябре 2013 г. в ходе заседания Совета глав государств ШОС в Бишкеке президент РФ В.В.Путин обратил внимание, что на практике нужно подтверждать открытость организации и прорабатывать вопрос о присоединении новых участников [15]. В июне 2015 г. на открытии заседания Совета министров иностранных дел Шанхайской организации сотрудничества (СМИД ШОС) министр иностранных дел России Сергей Лавров подчеркнул, что ключевое значение для ШОС имеет расширение организации на основе заложенного в её основу принципа открытости [9]. Таким образом, Россия видит в открытости один из базовых принципов, который обеспечивает международный авторитет ШОС. Китайская сторона, хотя тоже говорит об открытости, но, во-первых, предпочитает трактовать её как основу для отношений с внешними акторами, а, во-вторых, четко заявляет, что пределы открытости существуют, и должны определяться на основе консенсуса. Так, как нам кажется, следует оценивать выступление мини-

стра иностранных дел КНР Ван И на заседании СМИД ШОС в Ташкенте 24 мая 2016 г. Ван И заявил, что Китай поддерживает «постепенное и планомерное продвижение процесса расширения на основе консенсуса» [21].

Среди других государств-членов ШОС дискуссия о соотношении открытого и закрытого регионализма также сохраняет свою актуальность. Государства Центральной Азии не заинтересованы в том, чтобы быть запертыми в глубине Евразии, вдали от магистральных торговых маршрутов. Но они не заинтересованы и в том, чтобы полностью открыться миру. Весь регион Центральной Азии в абсолютных цифрах исключительно мал в масштабах мировой хозяйственной системы. Страны региона при полном открытии миру рискуют потерять свой экономический суверенитет, стать пространством сухопутного транзита, ряда крупных инфраструктурных и энергетических проектов, которые будут обеспечивать экономические интересы элиты, мало что давая основной массе населения (к тому же растущего).

ШОС – глобальная или региональная роль?

Государства-члены ШОС вплотную подошли к вопросу, который пока остается «в тени». Его не обсуждают открыто, но он назревает и в рамках дискуссии о расширении ШОС. Вопрос в том, какой же организации должна быть ШОС – региональной или глобальной? Пока дипломатам не составляет труда прикрыть этот вопрос искусными формулировками, которые на риторическом/декларативном уровне объединяют и то и другое. Однако при обсуждении некоторых практических аспектов развития ШОС дискуссии упираются именно в этот не решенный и даже открыто не поставленный вопрос.

При обсуждении расширения ШОС вопрос во многом сводится именно к этому. Для организации, которая является крупным игроком полицентричного мира, выбор однозначен – в пользу расширения. Для игрока на уровне полицентричного мира иметь таких членов как Индия и Пакистан – это плюс. В официальных выступлениях российских представителей на протяжении уже более чем десятилетия четко присутствует установка, что ШОС – это элемент новой международной архитектуры. Авторитетные российские эксперты также отмечают, что ШОС – это один из быстро формирующихся центров многополярного мира [10, с.6].

Китай не спорит с этим, но все-таки видит ШОС региональной организацией. На уровне глобальных институтов Китай делает ставку не на создание новой международной архитектуры, а на максимальное расширение своего присутствия и влияния в уже существующих международных институтах, в которых долгое время доминировали западные страны [6]. Китай рассчитывает согласовать «правила игры» с западными странами даже в условиях военно-политического напряжения, которое у него существует

■ Мировая политика

с США и рядом американских союзников. Отказ Пекина от «Большой двойки», о которой шла речь в первый президентский срок Б. Обамы, не означал для Китая отказ от приспособления к международной политической и экономической архитектуре в основном в её нынешнем виде. Поэтому ШОС как авторитетная региональная организация Китаю нужна, а ШОС как элемент новой международной архитектуры и инструмент противостояния с Западом – не вполне.

Для Китая основная зона ответственности ШОС – это Центральная Азия. По мнению китайской исследовательницы ШОС Чэнь Юйжун, «основная функция ШОС состоит в совместной защите стабильности и безопасности в регионе Центральной Азии» [24]. Наши беседы с китайскими экспертами убеждают в том, что они не видят новыми членами организации страны не из этого региона. Для Южной Азии или для АСЕАН у Китая другие региональные подходы и сводить все их вместе Пекин не склонен. Поэтому, кстати, обсуждение российской идеи партнёрства ЕАЭС, ШОС и АСЕАН может остаться лишь на уровне декларативной поддержки с китайской стороны.

Надо учитывать и то, что пятнадцать и даже десять лет назад ШОС была не просто главным, а почти единственным инструментом, кроме двусторонних контактов, китайской политики на пространстве Евразии. Но в последние пять лет Китай обратил внимание на некоторые другие многосторонние организации и механизмы в Евразии (как новые, так и давно существующие). Пекин проявил к ним интерес, расширил своё участие в них. Сейчас в распоряжении китайской дипломатии есть более широкий набор многосторонних форматов в Евразии, которые Пекин старается сделать инструментами своей региональной политики. Китай взял на себя многолетнее председательство в СВМДА, где долгое время председательствовал в стране, инициировавшая этот механизм (Казахстан), а также в Стамбульском процессе по Афганистану. Ни в коем случае ни СВМДА, ни Стамбульский процесс не могут заменить для Китая ШОС. Но Китай отвел для ШОС определенную нишу в своей региональной политике в Евразии. Выдвижение и развитие китайской инициативы Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) может ещё больше закрепить такой китайский подход.

Поскольку ЭПШП во многом является не только экономической инициативой, но и важным идеологическим концептом, призванным подчеркнуть новый характер китайской дипломатии при Си Цзиньпине, китайские эксперты могут несколько преувеличивать масштабы возможного влияния этой инициативы на деятельность ШОС. Между тем, китайская сторона достаточно настойчиво предлагает использовать существующие механизмы ШОС для реализации целей ЭПШП, что в перспективе неизбежно повысит значимость регионального измерения ШОС для Китая. Кроме того, учитывая поли-

тическую значимость проекта, это повышает требования Китая к тому, чтобы сохранялся понятный и одобряемый им порядок работы органов ШОС.

Теперь уже не так важно, справедливы ли тезисы некоторых российских специалистов о том, что если бы Россия не тормозила инициативы Китая по расширению экономического сотрудничества в ШОС, то Китай, возможно, не инициировал бы проект ЭПШП, а довольствовался бы экономическими возможностями ШОС [5]. Китайские эксперты в основном либо отрицают такой тезис, либо соглашаются с ним лишь частично. В любом случае решить этот вопрос в сослагательном наклонении уже невозможно, а мнения останутся разные.

Интересно, что в вопросе о том, должна ли ШОС быть частью новой глобальной международной архитектуры или региональной организацией, позиции и России и Китая таковы, что вступают в противоречие с некоторыми их другими подходами.

Китай делает главную ставку в своём экономическом развитии на максимальную эксплуатацию процессов глобализации. При всей работе над развитием внутреннего китайского рынка без глобального рынка поддерживать темпы экономического развития Китая вряд ли возможно. Китай – основной выгодополучатель глобализации и делает всё, чтобы сохранить это положение. Китай заинтересован в транзите через просторы Евразии для сухопутного доступа к Европе и Ближнему Востоку. Это не заменит морские пути, а будет, видимо, некой стратегической страховкой для Китая. Но будучи сам так заинтересован в глобализации Китай «не пускает» в глобализацию ШОС и своих партнёров по организации, отводя ей только региональную роль. Любопытно, что, по мнению некоторых китайских специалистов, даже после расширения ШОС в результате присоединения Индии и Пакистана, основной регион работы Организации не должен измениться, ключевую роль по-прежнему будет играть Центральная Азия [22]. Получается, что под «пространством ШОС» имеется в виду не географическое, а прежде всего политическое понятие, то есть пространство общих интересов, а возможность реализации своих интересов в Южной Азии Китай связывает с использованием других механизмов, прежде всего двусторонних.

Россия традиционно настороженно относилась к «азиатскому формату» для Центральной Азии, то есть к попыткам переориентировать регион в направлении Южной Азии за счёт афганского транзита, которые были сутью американских концепций «Большой Центральной Азии» и «Нового Шёлкового пути» (последняя действует до сих пор). Планы связать Центральную и Южную Азию в один регион на официальном уровне в России воспринимались настороженно [13, с.11], а на неофициальном – почти враждебно, так как в американской риторике,

особенно на экспертном уровне, по обоим этим проектам говорилось, что они хотят дать государствам Центральной Азии большую экономическую независимость от России. Теперь же российские специалисты доказывают, что Индию и Пакистан надо принимать в ШОС, так как они будут способствовать экономическому сотрудничеству в регионе [11]. Но если посмотреть с какой экономической повесткой дня идут Индия и Пакистан в ШОС, то это повестка дня похожа на хорошо усвоенную ими концепцию «Большой Центральной Азии». В самих США к этой повестке, по крайней мере, в нынешней администрации, уже проявляют ограниченный интерес по ряду причин. Но в Южной и Центральной Азии, а также в Афганистане, семена концепции «Большой Центральной Азии» отлично прижились и пустили очень глубокие корни в политической элите.

Если Россия действительно верит в то, что Индия и Пакистан идут в ШОС ради экономической повестки, которой в ШОС почти нет, то почему же Россия не опасается, что они принесут с собой идеи «Большой Центральной Азии», которые совсем недавно вызывали в Москве как минимум настороженность? А если Индия и Пакистан стремятся в ШОС ради не экономической, а военно-политической повестки, то это тем более должно вызывать настороженность России, которая традиционно сохраняла военно-политическое превосходство в регионе. А военно-политический интерес к Центральной Азии был у Индии давно [1] и в некоторой степени сохраняется и сейчас.

* * *

ШОС, безусловно, является серьёзной международной организацией. Представляется, что она заняла такое положение в мировой политике, когда будет её частью (её голос и действия будут иметь вес в международных делах) при любых вариантах развития ситуации внутри самой организации, просто за счёт самого факта своего существования. В руках опытной дипломатии ШОС это серьёзный инструмент.

Но вместе с тем за благополучным дипломатическим фасадом зреет стратегический вопрос о будущем организации. Его можно откладывать, снимать его остроту. Для профессиональных дипломатов это посильная задача. Но, в конечном счёте, этот вопрос либо будет, либо не будет рассмотрен и решён. И то, и другое будет иметь последствия для будущего ШОС.

Уже сейчас участники ШОС говорят о том, что организация находится на пороге нового этапа своего развития. Пока в основном имеется в виду выработка приемлемого для всех понимания «геополитического баланса» на фоне нарастания турбулентности в мировых делах. Обратим внимание, что само понимание «геополитического баланса» у центральноазиатских членов ШОС в последние десять-пятнадцать лет в значительной степени трансформировалось. В

начале и середине 2000-х годов «геополитические игры» занимали умы многих политиков в Центральной Азии, которые полагали, что активные геополитические маневры могут принести существенные экономические дивиденды. Тогда «геополитический баланс» понимался как активная игра на интересах и даже противоречиях крупных региональных и глобальных игроков для того, чтобы повысить значимость самих стран региона и получить от этого выгоду. В последние же годы «геополитический баланс» понимается как «геополитический нейтралитет», как дистанцирование от противоречий «больших игроков». Грузинский и украинский опыт способствовал такому изменению понимания «геополитического баланса». Можно даже говорить о том, что в Центральной Азии появляется запрос на де-геополитизацию региональной повестки дня. И в ШОС этот запрос на де-геополитизацию проявляется, как стремление многих членов сохранить геополитический нейтралитет ШОС.

Вопрос о расширении ШОС остаётся острым и может остаться таковым ещё много лет. Нельзя уверенно говорить о том, что дипломатическая игра вокруг расширения закончена. Она перешла на новый уровень и усложнилась. В дальнейшем вопрос расширения будет всё в большей степени сопровождать дискуссия о будущей организации, её роли в мировых/региональных делах. Расширение из важного, но все-таки частного, вопроса по мере затягивания с его любым четким решением, положительным или отрицательным, вырастает до вопроса стратегического – о будущем самой ШОС.

Многолетняя дискуссия о расширении ШОС начиналась с того, стоит или нет принимать некоторые страны. Но за много лет вопрос кого принимать всё больше сочетался с вопросом зачем принимать и сейчас вплотную подошёл к тому, чтобы быть переформулированным в «куда принимать». Россия и Китай дают разные ответы на вопрос расширять или не расширять ШОС, в конечном счёте, потому, что по-разному видят будущее организации. У Китая региональное видение ШОС, у России – более глобальное.

У других членов ШОС есть интерес и к региональному и к глобальному видению ШОС. Это проявляется не только в случае с ШОС, но и в том, как страны региона смотрят на ЕАЭС, ЭПШП, «Новый Шёлковый путь» (или прежнюю «Большую Центральную Азию»), на так и не состоявшуюся активную политику ЕС в регионе или на новую активизацию Японии.

Для поддержания долгосрочной социальной стабильности региону нужно широкое экономическое развитие, с ре-индустриализацией для создания рабочих мест. Поэтому объективно сами страны Центральной Азии заинтересованы и в глобализации, и в регионализации. Поэтому проявляют интерес и к проектам, ориентированным на глобализацию, и к проектам, ориентированным на регионализацию. Главным

■ Мировая политика

для государств Центральной Азии становится поиск баланса между своим интересом к глобализации и регионализации с помощью внешних партнеров. Китай и Россия теоретически имеют наилучшие шансы найти стратегический баланс между регионализацией и глобализацией, необ-

ходимый для Центральной Азии. В таком ключе можно вести и разговор о сопряжении ЕАЭС и ЭПШП на базе ШОС. Решение этого практического вопроса будет идти параллельно с научными дискуссиями о соотношении трендов глобализации и регионализации в современном мире.

Список литературы

1. Банержи И. Индия и новая «большая игра» в ЦА // Большая Игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии. 2007. № 2. С. 28-37.
2. Бишкекская декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. 13 сентября 2013 года. // Шанхайская организация сотрудничества. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rus.sectscsco.org/load/48053> (дата обращения: 25.05.2016)
3. Воробьев В. Доклад. Первое заседание. Стратегические цели: приоритеты участников. Материалы международной конференции «Шанхайская организация сотрудничества: к новому качеству отношений». // Общественная палата Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.oprf.ru/ru/about/structure/structurenews/newsitem/13766> (дата обращения: 25.05.2016)
4. Воробьев В. ШОС как растущий властелин «хартленда» // Россия в глобальной политике 19.02. 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/ShOS-kak-rastuschii-vlastelin-khartlenda-15471> (дата обращения: 24.05.2016)
5. Габуев А. Приручить дракона // Россия в глобальной политике 19.02.2015 [Электронный ресурс]. <http://www.globalaffairs.ru/number/Priruchit-drakona-17316> (дата обращения: 25.05.2016)
6. Денисов И. Шёлковая безопасность: новая китайская концепция развития и правила игры в Евразии // Индекс Безопасности. 2015. № 3 (114). С. 51-60.
7. Денисов, И.Е. 100 тезисов о российско-индийских отношениях. рабочая тетр. № 29/2016 / [И.Е. Денисов, О.А. Попадюк]; [гл. ред. И. С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2016. – 44 с.
8. Душанбинская декларация глав государств-членов ШОС. 12 сентября 2014 года. // Шанхайская организация сотрудничества. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rus.sectscsco.org/load/48221> (дата обращения: 25.05.2016)
9. Лавров: ключевое значение для ШОС имеет расширение на основе принципа открытости. 3 июня 2015 года. // ТАСС [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tass.ru/politika/2016914> (дата обращения: 24.05.2016)
10. Лузянин, С.Г. Шанхайская организация сотрудничества: модель 2014–2015: рабочая тетр. № 21/2015 / [С.Г. Лузянин (рук.) и др.]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: Спецкнига, 2015. – 36 с.
11. Лукин А.В. Шанхайская организация сотрудничества: в поисках новой роли. // Валдайские записки. Специальный выпуск. 2015.
12. Лукин А.В. Шанхайская организация сотрудничества и российские интересы в Центральной Азии и Афганистане // Стратегия России в Центральной Азии и Шанхайская организация сотрудничества. Сборник статей / Под ред. А.В. Лукина; Институт международных исследований. – М.: МГИМО – Университет, 2012. – 191 с.
13. Обзор внешней политики Российской Федерации. 2007. // Министерство иностранных дел РФ. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/3647DA97748A106BC32572AB002AC4DD (дата обращения: 25.05.2016)
14. Пресс-конференция министра иностранных дел России С.В. Лаврова на полях саммитов БРИКС и ШОС, Уфа, 9 июля 2015 года. // Министерство иностранных дел РФ. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/94B3FFD7279721CA43257E7D00449B30 (дата обращения: 25.05.2016)
15. Путин: ШОС должна сохранять открытой возможность расширения Организации. 13 сентября 2013 года // Интерфакс [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.interfax.ru/world/328767> (дата обращения: 24.05.2016)
16. Сафранчук И.А. Комментарий к Обзору МИД РФ: российские концепции для ЦА // Большая Игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии. 2007. № 2. С. 44-47.
17. Сафранчук И.А. ШОС в системе региональных организаций в Евразии // Ежегодник ИМИ. Москва. 2015. № 2. С. 92-93.
18. Уфимская декларация глав государств-членов ШОС. 9 июля 2015 года. // Шанхайская организация сотрудничества. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rus.sectscsco.org/load/49097> (дата обращения: 25.05.2016)

19. Хартия Шанхайской организации сотрудничества. 7 июня 2002 года. // Портал «ИнфоШОС» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://infoshos.ru/ru/?id=33> (дата обращения: 25.05.2016)
20. Graham J. L., Lam N. M. The Chinese negotiation // Harvard business review. – 2003. – Т. 81. – №. 10. – С. 82-91.
21. Ван И: Туйдун шанхэ цзучжи цзода цзоцян, цзоувэнь цзоуши // Чжунхуа жэньминь гунхэго вайцзяобу (на китайском языке) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mfa.gov.cn/web/wjzbzhd/t1366050.shtml> (дата обращения: 26.05.2016)
22. Ван Сяньцзюй. Цун уфа фэнхуэй кань шанхай хэцзо цзучжи фачжань чжаньлюэ // Вайцзяо гуаньча (на китайском языке) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.faobserver.com/Newsinfo.aspx?id=11786> (дата обращения: 24.05.2016)
23. Лян Цзявэнь. Чжуаньцзя юаньчжо: Шанхай цзучжи коюань бу нэн «луньтаньхуа» // Гоцзи сяньцзюй даобао (на китайском языке) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ihl.cankaoxiaoxi.com/2012/0606/45477.shtml> (дата обращения: 24.05.2016)
24. Шанхэ цзучжи душанбе фэнхуэй цянъчжань: цюйюй аньцюань ши шоуяо цзяодянь. 09.09.2014 Жэньминьван (на китайском языке) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://politics.people.com.cn/n/2014/0909/c1001-25628098.html> (дата обращения: 25.05.2016)

Об авторах

Денисов Игорь Евгеньевич – старший научный сотрудник Центра исследований Восточной Азии и ШОС Института международных исследований МГИМО МИД России. E-mail: iedenisov@mail.ru.

Сафранчук Иван Алексеевич – к.полит.н., доцент, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России. E-mail: And6958@yandex.ru.

FOUR SCO ENLARGEMENT PROBLEMS

I.E. Denisov, I.A. Safranchuk

Moscow State Institute of International Relations 76, Vernadsky av., 119454 Moscow, Russia.

Abstract: *The major issue in the Shanghai Cooperation Organization (SCO) has been the problem of enlargement of its full membership. Traditionally this issue is reviewed as a problem of practical policy. However as debates on the SCO membership enlargement progress, they go into more and more depth. This enlargement debate highlights political culture of SCO and also the issue, known in the experience of other international organizations, namely emerging different levels in an organization as membership grows. More importantly debates on enlargement stimulate thinking over the broader question on the future of the SCO – the global perspective (as Russia mostly prefers) or regional perspective (as China mostly prefers). Thus SCO encounters one of the most pressing dilemmas, that's collision of regionalization and globalization trends progressing in the modern world. Debates on these trends evolve in political, economic and social sciences and remain far from resolution. But the SCO is already under the pressure to make either a practical choice in favor of one of these trends or to find a reliable model to combine them within the SCO agenda. This article reviews the SCO enlargement problem not as an issue of practical policy, but as the issue of searching a balance between trends of globalization and regionalization, which if reached could help to reconcile Russian and Chinese interests in Eurasia.*

Key words: SCO, Russia, China, globalization, regionalization.

References

1. Banerzhi I. Indija i novaja «bol'shaja igra» v CA *Bol'shaja Igra: politika, biznes, bezopasnost'* v Central'noj Azii. 2007. № 2. P. 28-37.
2. Bishkekская декларация глав государств-членов ШОС. 13 sentjabrja 2013 goda. <http://rus.sectesco.org/load/48053> (25.05.2016)
3. Vorob'ev V. Doklad. Pervoe zasedanie. Strategicheskie tseli: priority uchasnikov. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii "Shankhaiskaya organizatsiya sotrudnichestva: k novomu kachestvu otnoshenii. *Obshchestvennaya palata Rossiiskoi Federatsii*. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.oprf.ru/ru/about/structure/structurenews/newsitem/13766> (25.05.2016)

■ Мировая политика

4. Vorob'ev V. ShOS kak rastushchii vlastelin «kharlenda». *Rossiya v global'noi politike* 19.02. 2012 [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.globalaffairs.ru/number/ShOS-kak-rastuschii-vlastelin-kharlenda-15471> (24.05.2016)
5. Gabuev A. Priruchit' drakona. *Rossija v global'noj politike*. 2015. № 1. <http://www.globalaffairs.ru/number/Priruchit-drakona-17316> (accessed 25.05.2016)
6. Denisov I. Shelkovaya bezopasnost': novaya kitaiskaya kontseptsiya razvitiya i pravila igry v Evrazii. *Indeks Bezopasnosti*. 2015. № 3 (114). P. 51-60.
7. Denisov, I.E. 100 tezisev o rossiisko-indiiskikh otnosheniyakh. rabochaya tetr. № 29/2016. Moscow: NP RSMD, 2016. 44 p.
8. Dushanbinskaja deklaracija glav gosudarstv-chlenov ShOS. 12 sentjabrja 2014. <http://rus.sectesco.org/load/48221> (25.05.2016)
9. Lavrov: klyuchevoe znachenie dlya ShOS imeet rasshirenie na osnove printsipa otkrytosti. 3 iyunya 2015 goda. // TASS [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://tass.ru/politika/2016914> (24.05.2016)
10. Luzyanin S.G. Shankhaiskaya organizatsiya sotrudnichestva: model' 2014–2015: rabochaya tetr. № 21/2015 Moscow: Spetskniga, 2015. 36 p.
11. Lukin A.V. Shanhajskaja organizatsiya sotrudnichestva: v poiskah novoj roli. *Valdajskie zapiski*. Special'nyj vypusk. 2015.
12. Lukin A.V. Shankhaiskaya organizatsiya sotrudnichestva i rossiiskie interesy v Tsentral'noi Azii i Afganistane *Strategiya Rossii v Tsentral'noi Azii i Shankhaiskaya organizatsiya sotrudnichestva*. *Sbornik statei*. Moscow: MGIMO – Universitet, 2012. 191 p.
13. Obzor vneshnej politiki Rossijskoj Federacii. MID. 2007. http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/3647DA97748A106BC32572AB002AC4DD (accessed 25.05.2016)
14. Press-konferentsiya Ministra inostrannykh del Rossii S.V. Lavrova «na polyakh» sammitov BRIKS i ShOS, Ufa, 9 iyulya 2015 goda. Ministerstvo inostrannykh del RF. Ofitsial'nyi sait. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/94B3FFD7279721CA43257E7D00449B30 (25.05.2016)
15. Putin: ShOS dolzhna sokhranyat' otkrytoi vozmozhnost' rasshireniya Organizatsii. 13 sentyabrya 2013 goda. Interfaks [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.interfax.ru/world/328767> (24.05.2016)
16. Safranchuk I.A. Kommentarij k Obzoru MID RF: rossijskie koncepcii dlja CA / Safranchuk I.A. Bol'shaja Igra: politika, biznes, bezopasnost' v Central'noj Azii. 2007. № 2. P. 44-47.
17. Safranchuk I.A. ShOS v sisteme regional'nyh organizacij v Evrazii. *Ezhegodnik IMI*. Moskva. 2015. № 2. P. 92-93.
18. Ufinskaja deklaracija glav gosudarstv-chlenov ShOS. 9 ijulja 2015 goda. <http://rus.sectesco.org/load/49097> (25.05.2016)
19. Khartiya Shankhaiskoi organizatsii sotrudnichestva. 7 iyunya 2002 goda. Portal «InfoShOS» [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://infoshos.ru/ru/?id=33> (25.05.2016)
20. Graham J. L., Lam N. M. The Chinese negotiation. *Harvard business review*. 2003. Vol. 81. №. 10. P. 82-91.
21. Wan X. Cong wufa fenghui kan shanghai hezuo zuzhi fazhan zhanlue. *Waijiao guan* (in Chinese) <http://www.mfa.gov.cn/web/wjzbhd/t1366050.shtml> (26.05.2016)
22. Wang Yi. Tuidong shanghe zuzhi zuoda zuoqiang, zouwen zoushi. *Zhonghua renmin gongheguo waijiaobu* (in Chinese) <http://www.faobserver.com/Newsinfo.aspx?id=11786> (24.05.2016)
23. Liang J.Z. yuanzhuo: Shanghai zuzhi kuoyuan bu neng «luntanhua». *Guoji xianqu daobao* (in Chinese) <http://ihl.cankaoxiaoxi.com/2012/0606/45477.shtml> (24.05.2016)
24. Shanghe zuzhi dushangbie fanghui qianzhan: quyuan anquan shi shouyao jiaodian. 09.09.2014 *Renminwang* (in Chinese) <http://politics.people.com.cn/n/2014/0909/c1001-25628098.html> (25.05.2016)

About the authors

Denisov Igor Evgen'evich – Senior Research Fellow, Center for East Asian and Shanghai Cooperation Organization Studies, Institute for International Studies, MGIMO-University, MFA Russia. E-mail: iedenisov@mail.ru.

Safranchuk Ivan Alexeevich – Phd in political sciences, associate professor, Associate professor, Department of political process, MGIMO-University, MFA Russia. E-mail: And6958@yandex.ru.